

От Античности к Средневековью периферийными тропами советского марксизма

С. Б. Крих

Для цитирования: Крих С. Б. От Античности к Средневековью периферийными тропами советского марксизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. Вып. 1. С. 196–210. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.112>

В статье рассматривается роль переходных эпох в марксистской теории в том виде, в котором она была усвоена советской исторической наукой на примере проблемы перехода от Античности к Средневековью. Показано, что по ряду причин, связанных прежде всего с теоретическими установками, переходные эпохи оказывались теми периодами, которые могли получить непротиворечивое освещение в советской науке только в том случае, если это делалось на уровне общего обзора с минимальным допущением конкретики. Поскольку при использовании большего количества исторического материала возникали проблемы с построением непротиворечивого нарратива, то именно поэтому к началу 1950-х гг. сложилась ситуация, при которой подробное освещение поздней Античности (IV–V вв.) стало помехой как для антиковедов, так и для медиевистов. На нескольких примерах показано, каким образом дискуссия о переходе от Античности к Средним векам трансформировалась в провинциальной историографии. Объяснены особенности советской провинциальной научной жизни, зависимость и одновременно отдаленность от столичных историков (Москвы и Ленинграда), охарактеризованы попытки решения проблемы, предложенные М. Я. Сюзюмовым, В. Т. Сиротенко (испытывавшим влияние взглядов Сюзюмова), а также философом С. Э. Крапивенским. Дана точка зрения автора статьи на то, как по-разному разобранные провинциальные примеры соотносились со «столичным» мейнстримом, а также объяснение того, почему они не повлияли и практически не были восприняты советской наукой. Фактический итог таких поисков свелся к тому, что сама проблема переходной эпохи была обсуждена, но как бы потеряна в процессе обсуждения, перейдя в разряд одновременно решенных (на формальном уровне) и неразрешимых (на уровне убедительности для самого научного сообщества), что не изменилось до конца советской эпохи.

Ключевые слова: советская историография, переходные эпохи, провинциальная историография, переход от Античности к Средневековью.

Сергей Борисович Крих — д-р ист. наук, проф., Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Российская Федерация, 644077, Омск, пр. Мира, 55а; <https://orcid.org/0000-0001-8220-9956>, KrikhSB@omsu.ru, krikhdwh@gmail.com

Sergey B. Krikh — Dr. Sci. (History), Professor, Dostoevsky Omsk State University, 55a, pr. Mira, Omsk, 644077, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0001-8220-9956>, KrikhSB@omsu.ru, krikhdwh@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

From Antiquity to the Middle Ages along the Peripheral Paths of Soviet Marxism

S. B. Krikh

For citation: Krikh S. B. From Antiquity to the Middle Ages along the Peripheral Paths of Soviet Marxism. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2025, vol. 70, issue 1, pp. 196–210. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.112> (In Russian)

In the first part of the article, the author briefly examines the role of transitional eras in Marxist theory and in more detail in Soviet historical scholarship. The author believes that for a number of reasons (related primarily to theoretical principles), transitional eras turned out to be those periods that could receive consistent coverage in Soviet scholarship only if this was done at the level of a general overview with a minimum allowance for historical facts. When historians using more historical material, problems arose with constructing a consistent narrative. The second part of the article shows on several examples how the discussion about the transition from Antiquity to the Middle Ages was transformed in provincial Soviet historiography. Here the author reveals the features of Soviet historians provincial life, and talks about three attempts to solve the problem of the transition era, made by M. Y. Syuzyumov, V. T. Sirotenko (influenced by the views of Syuzyumov) and by philosopher S. E. Krapivensky. The third and final part of the article presents the conclusions of the study. The author offers an explanation for why these (and other similar) cases did not influence Soviet scholarship as a whole and were often not even taken into serious consideration by it: the problem lay in the communication distortion in interaction of the province and the “metropolises”. The actual result of the searches described in the article boiled down to the fact that the problem of the transitional era was discussed, but seemed to be lost in the discussion process.

Keywords: Soviet historiography, transitional eras, provincial historiography, transition from antiquity to the Middle Ages.

Переходные эпохи в советской историографии: «проблемный актив»

Одной из важных, иногда даже выделяемых в качестве сущностной, характеристик марксизма как философско-исторической парадигмы является его особенная концентрация на революционном процессе, то есть на сравнительно динамичном переходе общества как системы из одного состояния в другое¹. Суть истории для Маркса и его последователей выражается в неизбежном сочетании революционных и эволюционных изменений. Маркс и Энгельс использовали эту идею достаточно часто применительно к разным обществам или историческим эпохам, о которых им приходилось писать. При этом, не имея намерений разрабатывать все аспекты своей теории, они не оставили строгих критериев, какие изменения можно называть революционными, а какие нет. Так, Энгельс называл революционным течением раннее христианство², что несколько смущало советских авторов сталинской

¹ Взгляды на роль революции в марксовой теории могут различаться. С одной стороны, например см.: Tucker R. C. *The Marxian Revolutionary Idea*. London, 1970. С другой стороны, см.: van Ree E. *Marxism as Permanent Revolution // History of Political Thought*. 2013. Vol. 34, no. 3. P. 540–563. В советской литературе в любом случае считалось, что Маркс и Энгельс заложили основы теории, позже разработанной Лениным и Сталиным (см.: *Исторический материализм / под ред. Ф. В. Константинова*. М., 1951. С. 298).

² Энгельс Ф. *Книга откровения // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 21*. М., 1961. С. 8.

эпохи, исходящих из того, что «хорошая» характеристика не может применяться к «плохому» явлению³.

Конечно, основатели марксизма, обращаясь к истории человечества до Французской революции, осознавали, что революционные процессы в ранние эпохи должны были протекать более медленно, чем при капитализме, а значит, логичным было бы предполагать наличие целых переходных эпох. Например, Энгельс упоминал о времени, когда между колоном поздней Античности и крепостным стоял свободный франкский крестьянин⁴, но сложно сказать, соотносил ли он эту переходную эпоху с революционными событиями конца Античности и задавался ли он в принципе такой целью.

Неизбежное упорядочение марксистской теории в воззрениях следующих поколений ее приверженцев накладывалось на условия, в которых происходила эта процедура. Политические и культурные условия довоенной Советской России подталкивали эволюцию теории в сторону единообразия и упрощения. Сталин, как победитель в политической борьбе, обладал полным правом (как и обычно в ранних политических системах, где основатели выступают одновременно и жрецами-теоретиками) на то, чтобы победила его трактовка истории партии и, шире, истории вообще. При этом такая трактовка не должна была быть слишком сложной, учитывая тот факт, что подавляющая масса новых партийных кадров на рубеже 1920-х и 1930-х гг. была буквально малограмотной. Не следует забывать о том, что известная теоретическая глава в «Кратком курсе», которая воспринимается *post factum* как шедевр примитивизма, требовала огромных усилий для усвоения средним советским читателем тех лет⁵.

Для написавшего этот текст Сталина уже было достаточно очевидным, что всякий переход от одной социально-экономической эпохи к другой был революцией со всеми основными ее признаками, включая и участие в ней основных классов данного конкретного общества. Скорее всего, он не видел в своей схеме революций каких-то изъянов, полагая ее восходящей к Марксу, Энгельсу и Ленину, и поэтому не воспринимал введенное им в оборот словосочетание «революция рабов»⁶ в каче-

³ Например, С. И. Ковалев в своем учебнике по римской истории в соответствующей главе вначале цитирует слова Энгельса о «революционном движении», а несколькими страницами ниже пишет совершенно иное: «Христианство, конечно, никогда не было революционным течением» (Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948. С. 708, 714).

⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 154.

⁵ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 99–127; Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017. С. 223 и т. д.

⁶ Речь товарища И. В. Сталина // Первый всесоюзный съезд колхозников-ударников передовых колхозов. 15–19 февраля 1933 г. Стенографический отчет. М.; Л., 1933. С. 284–295. — Должен согласиться с аргументами Е. Г. Рабинович, которая указывала на то, что речь Сталина была очевидно подготовлена заранее и не может считаться исключительным экспромтом. Но я и писал прежде всего о том, что «речь несла в себе заметный элемент импровизации» (Крих С. Б. История одной цитаты. Откуда есть пошла «революция рабов» // Родина. 2014. № 6. С. 17). Из этого не следует никаких безапелляционных выводов, но, например, можно предположить, что, подготовив отчетную речь заранее, Сталин дополнил ее отрывком с его знаменитым «историческим» экскурсом, набросанным в кратких фразах. Источники этого экскурса предположила сама Е. Г. Рабинович, а ее формулировка, что Сталин речь «приготовил, но не перебелил» сейчас мне представляется наиболее рациональной (Рабинович Е. Г. «Революция рабов» — краткая история мифа // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 22 (2). СПб., 2018. С. 1099–1103).

стве некоего открытия (отсюда оно и фигурирует у него лишь однажды). Возможно, Сталин считал «революцию рабов» лишь своим стилистически заостренным изложением идей классиков, как, видимо, считал удачным проведенное им сравнение коммунистического «Манифеста» с библейской «Песнью песней». Таким образом, на уровне общих формулировок проблема революций и переходных эпох в раннем советском марксизме решалась довольно простым путем конструирования схемы из минимального фактического материала, при необходимости лакируемого оговорками о необходимости учета конкретных фактов.

Сложности начинались на уровне собственно исторических сочинений, когда незаметные с высоты птичьего полета теоретические и логические нестыковки предстояло как-то примирять и разрешать исследователям различных периодов. И хотя в 1930-х гг. советская наука о древности (и не только она) нередко порождала сочинения, которые рисовали историю на довольно больших исторических отрезках при скромном объеме текста⁷, тем не менее уже здесь возможности для манипуляции материалом сталкивались с его сопротивлением. Оказалось, что тяжело даже подобрать убедительное количество примеров, которые могли бы проиллюстрировать как «революцию» (чтобы определить ее границы и этапы⁸, обрисовать последствия), так и «рабов» (их ведущую роль в социальных движениях позднеримской истории). Советским историкам пришлось выработать ряд эффективных для того времени приемов, которые позволили выполнить эти задачи более или менее сносно. Благодаря предвзятой трактовке источников и хитроумному использованию других сталинских высказываний⁹ «революция рабов» была превращена в «революцию колонов и рабов» с участием варваров, что позволяло считать любые проявления социальной нестабильности на территории империи симптомами единого революционного процесса¹⁰. Пожалуй, наилучшим образом с решением этой задачи справились даже не антиковеды, а медиевисты, которые, как будет показано ниже, прошли путь конструирования приемлемой концепции с меньшими потерями и для которых кризис Римской империи был лишь прологом к истории Средневековья, что позволяло подавать его в виде более или менее краткого обзора.

Внутренняя проблема самой науки о древности заключалась в том, что стадия обзоров и очерков должна была неизбежно закончиться, особенно с приходом в науку нового поколения историков, выпускников учрежденных в 1930-х гг. исторических факультетов. Это новое поколение было действительно не просто марксистским, но советско-марксистским, и это означало, что они в целом были убеждены в силе и эффективности единственно верной теории, реальной ее возможности объяснить исторический процесс. С другой стороны, благодаря еще вполне многочисленной и активной когорте старшего поколения дореволюцион-

⁷ См., например: *Недельский В. И.* Революция рабов и происхождения христианства. М.; Л., 1936; *Францов Ю.* Фетишизм и проблема происхождения религии. М., 1940.

⁸ Попытки сделать это были, но не утвердились: *Ковалев С. И.* Проблема социальной революции в античном обществе // Известия ГАИМК. Вып. 76. 1934. С. 58.

⁹ Прежде всего речь идет о словах Сталина: «не-римляне, т. е. все “варвары”, объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим» (*Сталин И. В.* Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. Т. 13. Июль 1930 — январь 1934. М., 1951. С. 296).

¹⁰ Роль наиболее последовательного сторонника этого подхода (не исключено, что с долей искренности) взял на себя А. Д. Дмитрев. О нем и его работах см.: *Казаров С. С.* А. Д. Дмитрев и развитие антиковедения на Дону. Ростов н/Д; Таганрог, 2018.

ных историков (филологов-классиков) они получили качественное представление о стандартах исторического исследования, в том числе с точки зрения работы с источником. Они не видели никаких проблем в том, чтобы соединить эти два достижения — марксизм из «Краткого курса» (или заменившие его учебники по историческому материализму) и позитивистское тщание по сбору фактов — в рамках единой исследовательской программы.

Именно поэтому я не считаю корректным однозначно утверждать, что причиной изменений в нарративе о переходной эпохе поздней Античности была «оттепель». Перемены назрели в самой исторической науке, а политические изменения лишь способствовали тому, что они быстрее вышли на поверхность. Отвлекаясь на небольшое теоретизирование, могу заметить, что сам по себе фактор внешних изменений, если он не резонирует с внутренним состоянием науки, может скорее не реактуализировать ту или иную проблему, а деактуализировать ее. Правда, поскольку это были связанные, но не идентичные процессы, то не наблюдается и их полной синхронизации: вытеснение концепта «революции рабов» шло параллельно конструированию новых смыслов в вопросе перехода от Античности к Средневековью.

Вытеснение, которое выражалось в освоении и усреднении концепта до его полной «неопасности» для исторической науки, было выражено прежде всего в деятельности школы Е. А. Косминского (1886–1959), а реактуализация получила наиболее очевидное выражение в дискуссии 1953–1956 гг., протекавшей в журнале «Вестник древней истории» (ее отголоски выйдут за пределы публикаций в одном издании). Начало дискуссии положила статья Е. М. Штаерман (1914–1991), а основной пафос ее выступления сводился к тому, что Античность, понимаемая как рабовладельческая формация, завершает свое существование в Западной Европе к началу IV в.¹¹

Вне зависимости от того, насколько четко сформулировала это для себя сама Штаерман, фактически ее тезис сводился к предложению передать период IV–VI вв., который был «проблемным активом» для советской истории древности, в ведение медиевистики. В оставшейся же части поздней древности проблема конца рабовладения решалась уже сравнительно просто: после кризиса III в. (анализу которого и была посвящена докторская диссертация Штаерман¹²), общество принципиально изменилось и начало транзит в Средневековье, который уже был, в сущности, предрешен. С этой точки зрения эпоху домината ни в коем случае нельзя относить к Античности и так же невозможно считать рабовладельческой формацией, поскольку рабовладение уже было обречено.

Со стороны медиевистов положение выглядело, вкратце, следующим образом: не без некоторых усилий начиная с 1930-х гг. Е. А. Косминский показал пример не только того, как стабильно использовать концепт «революция рабов», но и в целом «научиться жить и работать в этой неожиданной для специалиста-историка научно-политической парадигме»¹³. Это, как и было сказано выше, потребовало

¹¹ Штаерман Е. М. Проблема падения рабовладельческого строя // Вестник древней истории. 1953. № 2. С. 51–79.

¹² Сокращенный вариант был издан: Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.

¹³ Шарова А. В. «Революция рабов» в учебных изданиях Е. А. Косминского 1930–1950-х гг. // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. VI. М., 2017. С. 423.

некоторых логических манипуляций. Как отмечает современный исследователь А. В. Шарова, сама цепочка рассуждений, восходящих к сталинским высказываниям, была сохранена, но преобразовалась в набор подвижных элементов, в которых прежние жесткие утверждения как бы размылись: «Революция трансформируется в революционные движения, вместо германцев — соберется весь богатый варварский мир, включая славян и даже арабов»¹⁴. В византистике Н. В. Пигулевская также вполне удобно использовала отсылку к революции рабов, которую отнесла к рубежу VI и VII вв., после чего, по ее мнению, и наступал феодализм для Византийской империи¹⁵. Причем в медиевистических штудиях эти манипуляции смотрелись не то чтобы более органично, но менее вызывающим образом. Лишенные необходимости доказывать полновесность этих оценок как относящихся к античной истории, медиевисты могли по своему выбору более или менее подробно иллюстрировать эти положения отдельно wybranными и подходящими для их повествований фактами, ведь для них более важной темой было формирование феодальных отношений.

Соответственно, отсчет истории раннесредневекового общества в исследованиях советских медиевистов 1940-х гг. и последующих лет начинается намного позднее IV в. Так, изучая появление иммунитета у франков в контексте формирования раннесредневекового государства, Д. С. Граменицкий говорит преимущественно о VI–VII вв., ни в каком контексте не обращаясь к более раннему времени¹⁶. В статье А. Р. Корсунского о рабах и вольноотпущенниках в вестготском государстве речь идет о VI–VII вв. Подчеркивая, что «формирование нового социально-экономического строя — феодализма представляло длительный исторический процесс»¹⁷, автор пытается показать, как в рассматриваемый им период «институт рабства... приобретает новые качества, делающие его отличным от античного института рабства»¹⁸. На протяжении всей статьи А. Р. Корсунский стабильно обращается к предыстории вопроса, но для него это всегда V в. (например, «рабы из туземного населения Южной Галлии и Испании и рабы из пришельцев слились в единую массу несвободного населения еще в V веке»¹⁹). Чтобы сравнивать изменение института римского рабства, достаточно обращаться к позднеимским сводам законов без точного упоминания времени их принятия, а столетие Константина Великого и Юлиана Отступника такому повествованию не нужно.

Именно поэтому, при всем отличии в аргументации, медиевисты (А. П. Каждан, А. Р. Корсунский и в целом М. Я. Сюзюмов²⁰), реагируя на статью Е. М. Шта-

¹⁴ Там же. С. 445.

¹⁵ Пигулевская Н. К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке // Вопросы истории. 1950. № 4. С. 54.

¹⁶ Граменицкий Д. С. К вопросу о происхождении и содержании франкского иммунитета // Средние века. Вып. 2. М.; Л., 1946. С. 135–153.

¹⁷ Корсунский А. Р. Рабы и вольноотпущенники в вестготском государстве VI–VII вв. // Средние века. Вып. 4. М., 1953. С. 12.

¹⁸ Там же. С. 30.

¹⁹ Там же. С. 14.

²⁰ Каждан А. П. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи // Вестник древней истории. 1953. № 3. С. 77–106; Корсунский А. Р. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV–V веках // Вестник древней истории. 1954. № 2. С. 47–69; Сюзюмов М. Я. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи // Вестник древней истории. 1955. № 1. С. 51–67.

ерман, однозначно отказались принимать эпоху домината (прежде всего именно IV в.) в статусе первой фазы феодализма. Даже если новое поколение имело сомнения в трактовке Е. А. Косминского, оно уже принимало ее хронологические границы как удобную точку для таких рассуждений, в которых поздней Античности (IV–V вв.) отводилась важная роль предьистории, которую медиевисты, как можно увидеть выше, не то что не хотели, но не могли сделать полноценной историей своего периода. Наверное, стоит согласиться с мнением О. Л. Вайнштейна о том, что именно дискуссия на страницах «Вестника древней истории» обнажила основные точки зрения²¹; тем более что это мнение передает ощущения очевидцев, но сами позиции сторон в дискуссии были обусловлены предшествующей стадией их научной работы.

Можно сказать, что, используя один и тот же эволюционистский подход, но находясь по разные стороны хронологического «барьера», Е. М. Штаерман и ее оппоненты одинаково были готовы не считать эпоху домината «своей». Эволюционизм строится на биологической логике: явление зарождается, развивается, расцветает, увядает и перерождается. Именно поэтому настоящая история Средних веков должна начинаться с примитивных варварских королевств, а не с угасающей бюрократической империи. Но именно по этой же логике настоящая история Античности должна заканчиваться грандиозным кризисом империи и полисной цивилизации (пришедшимся на III в.), а не наступившей после этого стабилизацией с последовавшим новым упадком. Если на уровне абстрактных замечаний марксизм легко допускал отступления от прямой линии прогресса и спиралевидный характер истории, то при конкретной работе с материалом показать это оказалось гораздо сложнее, да еще и в советских условиях, где мышление четкими историческими отрезками было основой образования граждан и, в общем, оставалось основой для профессионального деления в среде самих историков.

Иными словами, этот спор имел все признаки нерешаемого в тех обстоятельствах и при том уровне знаний. Это и сделало проблему перехода от Античности к Средневековью тлеющим костром в советской послевоенной историографии. Вопрос стал постепенно доступен широкому кругу гуманитариев, причем со временем был фактически забыт в Москве и Ленинграде, но все еще оставался востребован в провинции. Провинциальный вклад в развитие темы до сих пор не был рассмотрен в общем контексте изучения вопроса, и здесь будет уместно привести несколько характерных примеров²². Признавая тот очевидный факт, что провинция и столица никогда не были полностью оторваны друг от друга и взаимодействовали, я ниже расскажу о тех авторах, которые никогда не работали в научных или учебных заведениях Москвы и Ленинграда.

²¹ Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. 1917–1966. Л., 1968. С. 107–109.

²² «Провинциальное» для меня является по преимуществу географической и, в общем, вторичной характеристикой, в отличие от «периферийного». При этом ни то ни другое слово я не насыщаю никаким эмоциональным содержанием. См.: Крих С. Б. Феномен периферийности в советской историографии // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 164–169.

Провинциальная наука и глобальная проблема: особенности поиска

Свердловскую школу византиноведения, созданную и долгое время возглавляемую М. Я. Сюзюмовым (1893–1982), можно считать своеобразным в отношении столичной науки и тесно соотнесенным с ней феноменом. Как и все отечественные византиноведы, Сюзюмов смог системно вернуться к историческим штудиям только начиная с 1940-х гг., и интеллектуальный вызов со стороны Штаерман ставил действительно острые вопросы для этой сферы знаний, поскольку она развивалась в догоняющих темпах относительно советских антиковедения и большой медиевистики. Сюзюмов одновременно и тесно соотносил свои исследования со столичной наукой, и обладал страстью к ведению научной дискуссии, а потому для него было типично формулировать свои взгляды через их отличие от других²³.

Византиноведческие штудии Сюзюмова как раз заставляли его обращаться к периоду IV–V вв. достаточно часто, и поэтому он видел перед собой разнонаправленные процессы, не сводимые только к двум характеристикам. Так, отвечая на позднее исследование А. Б. Рановича (к тому времени уже покойного) о колонате, он показывал, что формула «меньше рабов — больше колонатов» не может точно описать процессы в поздней Римской империи. Например, большая часть античных городов аграризировалась, но некоторые, причем крупные (Константинополь, Фессалоники, Антиохия), превратились в «мощные “города-эмпорий” средневекового типа»²⁴. К ним примыкала сельская округа, поставлявшая им продукцию, и, соответственно, здесь продолжало функционировать товарное производство. Наличие таких городов не спасло рабовладельческий строй, но способствовало тому, что на востоке империи сохранялась непрерывная государственная традиция при движении от рабовладельческого строя к генезису феодализма²⁵.

Казалось, Сюзюмов мог оказаться наиболее склонен к поиску компромисса с позицией Штаерман, ведь его «города-эмпорий» можно счесть и знаком нового общества, но в его сложной картине сами эти города обладали диалектической характеристикой, в ранней фазе своего существования как раз замедляя переход к феодализму. Вот почему Сюзюмов категорически не принимал идею зарождения феодальной собственности в Римской империи. По его мнению, напротив, позднеантичное общество всемерно противилось процессам «вызревания феодальной собственности», в связи с чем переход к Средневековью с сохранением прежнего господствующего класса и был невозможен²⁶. В общем, это принципиальное неприятие раннего генезиса должно было поддерживать концепцию самого Сюзюмова, согласно которой реальный переход происходил в византийском случае благодаря

---

²³ О сложных отношениях Сюзюмова со столичной медиевистикой см.: Поляковская М. А. Ученый и время: к 100-летию со дня рождения М. Я. Сюзюмова // Византийский временник. 1993. Т. 54. С. 177 и т. д.

²⁴ Сюзюмов М. Я. Еще раз о юридических источниках для истории колоната // Вестник древней истории. 1951. № 4. С. 85.

²⁵ Сюзюмов М. Я. Роль городов-эмпориев в истории Византии // Византийский временник. Т. VIII. 1956. С. 29. — Следует отметить, что статья эта опубликована с примечанием от редакции, в которой некоторые ее положения названы дискуссионными. Подробнее см.: Поляковская М. А. Ученый и время. С. 175.

²⁶ Сюзюмов М. Я.: 1) К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. С. 63; 2) К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии // Византийский временник. Т. 17. 1960. С. 3–16.

процессу трансформации трудящегося населения в городах, при котором рабский труд сделался подсобным, а на первый план вышел личный труд собственников мастерских²⁷.

Сюзюмов, однако, при всей его склонности к спорам, занимал еще более или менее осторожную позицию, ограниченно высказывая некоторые свои идеи в формализованном пространстве. Но он выступал научным консультантом докторской диссертации В.Т.Сиротенко (1915–2006), работавшего в 1960-х гг. в Пермском университете. Диссертация была посвящена эпохе варварских вторжений. Сиротенко и Сюзюмов интенсивно переписывались по этой теме, особенно стараясь разобраться в историографии вопроса. В этой переписке Сюзюмов и высказал ту идею, которая породила в некотором роде скандальную концепцию. В письме от 30 октября 1966 г. Сюзюмов размышлял следующим образом о вкладе в вопрос трудов Н. Д. Фюстель де Куланжа: «Именно то обстоятельство, что Фюстель не критически обрисовал варварские вторжения не как завоевания, а как выступления массы недовольных под руководством варваров — это и есть теория революции рабов и колонов!»²⁸ Из дальнейшей переписки, включающей в себя обсуждение этой идеи, и текста докторской диссертации Сиротенко становится понятно, что последний весьма интенсивно развил мысль Сюзюмова.

Сиротенко во многих отношениях был фигурой нестандартной: так, он отличался необычной для советского ученого мобильностью и в течение 1940–1980-х гг. работал последовательно в высших учебных заведениях Чернигова, Перми и Днепропетровска, но круга последователей нигде из указанных мест не сформировал. Свою роль в этом сыграло и его увлечение собственной концепцией перехода к Средним векам, давшее побочный эффект в виде резко критического отношения к другим теориям. Историк атаковал тезис о союзе между варварами и низшими слоями местного населения Римской империи («рабами»), который оставался одним из важных элементов в объяснении сущности перехода от Античности к Средним векам в советской науке. Именно этот тезис был настоящим спасением для поздней советской историографии, поскольку позволял сбалансировать между собой несколько объяснений, каждое из которых поодиночке либо не было убедительным, либо уже было скомпрометированным. Во-первых, безусловно обосновать то, что империю обрушили «рабы», было совершенно невозможно с точки зрения фактологии, а утверждать, что ее обрушили «варвары», оказывалось почти невозможно с точки зрения советско-марксистской теории, поскольку последнее утверждение означало бы преобладание фактора внешнего вторжения над факторами внутреннего развития. В этих условиях заявление о том, что варвары помогли реализоваться уже давно назревшим переменам, было более или менее удовлетворительно и для антиковедов, и для медиевистов, которые могли поэтому видеть корни средневекового общества в синтезе варварских и римских порядков. Даже

---

²⁷ Сюзюмов М. Я. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе // *Античная древность и средние века*. Вып. 3. Свердловск, 1965. С. 8.

²⁸ Венгер А. *Образи медієвістики та медієвістики: Василь Сиротенко*. Вінниця, 2021. С. 87; Письмо М. Я. Сюзюмова В. Т. Сиротенко от 30.10.1966 // Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 160. Л. 3.

если это внешне и совпадало с идеями Фюстель де Куланжа²⁹ (тут М. Я. Сюзюмову нельзя отказать в наблюдательности), то причина крылась не во влиянии французского историка XIX в. на советских авторов, а во внутренней логике советской исторической науки.

По мнению Сиротенко, упомянутый выше синтез мог быть реализован лишь сравнительно развитыми народами, вторгавшимися на территорию империи, — такими, как славяне. Их максимальными антагонистами были гунны, целью которых был грабеж всех слоев населения и которые никак не могли быть союзниками эксплуатируемым классам Римской империи. Да и германцы сами предпочитали грабить и поработать, а не освобождать покоренное население. «Во времени массовых вторжений варваров в пределы империи народные массы вели непрерывающуюся борьбу против римского господства. И если германские вторжения в Италию косвенным образом содействовали усилению этой борьбы в провинциях, то они одновременно и обуздывали ее, сдерживали революционный порыв народных масс империи или угрозой своего вторжения, или прямыми действиями в качестве карателей, находящихся на службе империи»³⁰. Варвары, оказавшиеся в пределах империи, как считал Сиротенко, были по факту ближе к эксплуататорам, чем к эксплуатируемым.

Аргументируя свои взгляды, исследователь предлагал едва ли не полностью перевернуть понимание источников: «Длительная революционная борьба багаудов показала, что народные массы добивались свободы, а не замены ига римлян игом варваров. Поэтому Сальвиан расхваливал варваров, чтобы сбить народные массы с пути революционной борьбы и примирить их с варварами, которые в то время были союзниками галло-римской знати»³¹.

У подхода Сиротенко были теоретические изъяны: ему плохо удавалось примирять свои выпады против перегибов ранней советской историографии с тем, что такого же рода перегибы можно обнаружить и у Энгельса. Сиротенко, конечно, избегал критиковать одного из основателей марксизма и постарался перенести акцент на предвзятость Н. Д. Фюстель де Куланжа, характеризуя именно последнего в качестве автора идеи «мирной инфильтрации» германцев в тело империи³². Но, если отвлечься от отдельных шероховатостей, то концепция Сиротенко — стопроцентно советская, причем высказанная в то время, когда взгляды, отличные от официальных формулировок, уже были допустимы³³. При этом реакция на эту концепцию оказалась достаточно холодной. В обобщающем труде о советской историографии Средневековья О. Л. Вайнштейн давал понять, что Сиротенко в своей критике прежних подходов зашел слишком далеко и подверг сомнению то, что остается

---

²⁹ Подробный анализ со ссылками на широкий круг работ французского историка см., например: *Садретдинов Г. К.* Историографические этюды. Омск, 2003. С. 193–194.

³⁰ *Сиротенко В. Т.* Борьба народных масс Римской империи против варваров в IV–V вв. // Ученые записки Пермского государственного университета. № 143. Исторические науки. Пермь, 1966. С. 33.

³¹ Там же. С. 10.

³² Там же. С. 7.

³³ «Идея “союза” народных масс Римской империи с варварами чужда основоположникам марксизма-ленинизма» (*Корсунский А. Р.* Проблема революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе // Вопросы истории. 1964. № 5. С. 101).

незыблемым в советской науке: энгельсовский тезис о «падении Римской империи как социальной революции»³⁴.

Важную роль в таком сдержанном комментарии могло сыграть то обстоятельство, что Сиротенко, выступая с критикой предшествующего этапа советской науки, выбрал очень неудачные примеры для иллюстрации «ошибок прошлого»: книгу А. Н. Бернштама (1910–1956) о гуннах (1951)³⁵ и учебник по истории Средних веков (1952), в котором соответствующие главы писал Е. А. Косминский. Защитивший кандидатскую диссертацию несколькими годами позже, Сиротенко, возможно, и не представлял, насколько неискренними были авторы работ в начале 1950-х гг. Этот последний пик подчеркнутой лояльности сталинизму, безусловно, не является той страницей в истории отечественной науки, которой можно гордиться. Но для тех, кто знал и помнил то время, было очевидно, что судить об истинных взглядах Косминского по учебнику, плотно набитому цитатами из Сталина и Энгельса, было практически невозможно³⁶. Сиротенко, заявивший, что в учебнике Косминского была воспроизведена точка зрения Дмитрева на народные движения в Поздней империи, фактически был прав, но в 1960-х гг. подобные откровения звучали моветоном, поскольку по тексту его статьи получалось, будто советские ученые (конкретно академик Косминский) по личному недосмотру вырастили антинаучную теорию из нескольких случайных высказываний Сталина. В дальнейшем Сиротенко продолжал в своих лекциях громить оппонентов, в которые записал большинство советских медиевистов, формируя у коллег и учеников образ гонимого ученого, а в постсоветское время подавал себя как главного борца с теорией «революции рабов». После VIII сессии византистов в 1969 г. его не приглашали на крупные конференции и публикаций в столичных изданиях у него не было³⁷.

Если Сиротенко в своих попытках дать новое решение проблеме перехода к Средневековью шел от источников, и в итоге как раз сосредоточился на работе с ними, то другой автор, работавший в Арзамасе, а потом в Волгоградском университете³⁸, С. Э. Крапивенский (1930–2006), не являясь историком, мог отталкиваться только от теории. Эпоха открытых научных дискуссий (под открытостью я понимаю как их незавершенность, так и возможность отстаивать на них разные теоретические позиции), пришедшаяся на 1960-е гг., когда обновление советского марксизма еще представало реализуемой и, главное, полезной задачей, позволила

³⁴ *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики. С. 245–246.

³⁵ *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.

³⁶ Искусственность конструирования лоялистского текста в учебнике бросается в глаза. На одной и той же странице приводятся слова Энгельса, согласно которым «римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных», и слова Сталина о том, что древние государства типа «империи Цезаря» «не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения». Сложная машина, являющаяся непрочным объединением, — это оксюморон, и Косминский, создавая такой текст, знал это лучше своих читателей (*История средних веков: в 2 т. Т. I / под ред. Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина. М., 1952. С. 27*).

³⁷ *Венгер А.* Образы медієвіста та медієвістики: Василь Сиротенко. С. 47, 71. — В журнале «Средние века» (1968. Вып. 31) есть два выступления Сиротенко при обсуждении докладов коллег, но это правленая стенограмма, а не отдельная публикация.

³⁸ Более подробно о биографии С. Э. Крапивенского см.: *Шутицин А. И.* Вклад С. Э. Крапивенского в развитие волгоградской философии // *Грани познания.* 2019. № 4 (63). С. 32–37.

ему высказать свое мнение и касательно проблемы азиатского способа производства³⁹, и перехода от Античности к Средним векам⁴⁰.

Работы Крапивенского интересны в контексте нашего общего исследования тем, что он прямо говорит об отдельных переходных эпохах, которые возникают при формировании новых общественных отношений. Такими являются период патриархального рабства (азиатский способ производства с его отсутствием частной собственности на землю), то есть переход от первобытного коммунизма к классовому обществу, колонат (переход от рабовладения к феодализму), эпоха генезиса капитализма и эпоха социализма⁴¹. Теоретическое чутье (вкуче с верой в устойчивость схемы пяти формаций) предотвратило философа от того, чтобы характеризовать эти эпохи как отдельные способы производства. В этом суть его возражений писавшему о «кабаловладельческом» способе производства Ю. И. Семенове: «Почему бы нам тогда вслед за “кабаловладельческим” (азиатским) способом производства не открывать “колонатный”, расположив его между рабовладельческим и феодальным, или, скажем, “первоначально-накопительный” — между феодальным и капиталистическим?»⁴²

При этом сама идея переходной эпохи у Крапивенского оказалась существенно ограниченной его общей теорией, за пределы которой он не собирался выходить. Он, не вполне правомерно, критиковал «революцию рабов» за то, что «эта концепция подразумевала, будто когда-либо имела место одноактная революция, ликвидировавшая рабовладельческий способ производства, и будто его ликвидация была осуществлена силами одних рабов или, по крайней мере, при их гегемонии»⁴³, но при этом, по сути, понимал переходные периоды лишь как длительные революции⁴⁴, не обладающие принципиально ни собственным содержанием, ни собственной сущностью, весь смысл которых заключается в обеспечении новых условий. Если для Сиротенко проблема взаимодействия варваров и римлян была действительно серьезной точкой приложения усилий и он яростно боролся против ошибок и заблуждений в ее понимании, то Крапивенский решал вопрос с помощью абстрактного и по-своему теоретически изящного хода, воплощенного в совсем неизящном термине: «Характерно, что уже на этих стадиях развития общества наблюдаются случаи нагона отставания отдельными странами и опережение ими стран, ранее шедших впереди. <...> Много веков понадобилось германцам и восточным славянам для того, чтобы в недрах первобытнообщинного строя достигнуть соответствующего уровня производительных сил и почти одновременно с двумя рим-

³⁹ Крапивенский С. Э. Особая формация или переходное состояние общества // Народы Азии и Африки, 1966. № 2. С. 87–91.

⁴⁰ Крапивенский С. Э. Переход к феодализму как социальная революция // Методологические и историографические проблемы исторической науки. Вып. 5. Томск, 1967. С. 52–75.

⁴¹ Крапивенский С. Э. К анализу категории «социальная революция». Волгоград, 1971. С. 131, 137.

⁴² Там же. С. 138. — То, что казалось Крапивенскому сильным доводом в начале 1970-х гг., обернулось пророчеством в начале 2000-х гг., когда Семенов действительно выделил целый букет различных способов производства. См.: Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства. Сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М., 2011.

⁴³ Крапивенский С. Э. Переход к феодализму как социальная революция. С. 61.

⁴⁴ «...длительный период комплексного переворота в общественном бытии и общественном сознании» (Там же. С. 73).

скими империями перейти к феодальному способу производства»⁴⁵. Очевидно, что на конкретном материале всерьез показать означенный «нагон» было бы задачей, мягко говоря, затруднительной, и в этом отношении предложенное решение вопроса, по сути, могло быть реализовано только при условии отката исторической науки к стадии абстрактных формул 1930-х гг. Именно поэтому в творчестве Крапивенского легко заметить уже ту стадию обсуждения проблемы, когда она начинает жить самостоятельно от исторического материала и превращается в часть другой концепции, с этим материалом связанной, пожалуй, чисто ассоциативно.

Выводы

Таким образом, можно увидеть, как дополнительные маршруты, проложенные провинциальными исследователями с целью помочь советской историографии преодолеть заданное путешествие из точки древности в точку Средневековья на условной ментальной карте марксистского видения истории, в итоге оказывались мало приемлемыми или вовсе нереалистичными для мейнстримной науки. Причины неприятия в чем-то сходны, но каждый из случаев имеет специфику. Идея Сюзюмова построена на соотносимом параллелизме с идеями мейнстрима при принципиальном расхождении в деталях. Концепция Сиротенко — в фактическом противостоянии, а рассуждения Крапивенского — в несоотносимом параллелизме, без шансов найти точки соприкосновения или даже общий язык с исследователями обсуждаемого периода.

Если говорить о влиянии в целом дополнительных, в данном случае выраженных провинциальными исследователями, версий решения научной проблемы на общий ландшафт советской исторической науки, то можно фиксировать, что благодаря такого рода работам положение дел в науке выглядело более живым и интересным, в том числе для самих участников процесса. Но в том, что оно делало научный процесс реально конкурентным, есть большие сомнения. Прежде всего, об этом говорят результаты: все приведенные выше вариации не получили ни достаточного признания, ни интенсивного обсуждения. Видимо, в сдержанном отношении к ним сыграло роль известное недопонимание, вызванное ограниченными возможностями для общения между провинциальными и столичными учеными. Поскольку в советское время нужно было знать не только текст, но и подтекст высказываний, то провинция не всегда чувствовала перемены, которые происходили в центре, прочитывала новые сигналы с запозданием и искажала их. Это, а также подозрение в недостаточном уровне подготовки для работы с историческими источниками, способствовало тому, что столичные научные круги преимущественно скептически относились к провинциальной активности, а часто просто не замечали ее.

В нашем конкретном случае это означало, что если провинциальные ученые понимали свои штудии как попытки найти новые пути к решению проблемы, то столичная наука воспринимала их скорее как не слишком удачное повторение давно пройденного отрезка пути. Внутренние механизмы советской науки перевели

---

⁴⁵ Крапивенский С. Э. Переход к феодализму как социальная революция. С. 74.

спор о переходе от Античности к Средневековью в состоянии формально решенного⁴⁶, и усилий провинциальных ученых было явно недостаточно для того, чтобы изменить это.

References

- Bernshtam A. N. *Ocherk istorii gunnov*. Leningrad, Leningrad University Press, 1951, 256 p. (In Russian)
- Brandenberger D. *Krizis stalinskogo agitpropa. Propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, 367 p. (In Russian)
- Engels F. *Kniga otkroveniia. Marks K., Engel's F. Sochineniia*, vol. 21. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1961, pp. 7–13. (In Russian)
- Engels F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva. Marks K., Engel's F. Sochineniia*, vol. 21. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1961, pp. 25–178. (In Russian)
- Frantsov Iu. *Fetishizm i problema proiskhozhdeniia religii*. Moscow, Gosudarstvennoe antireligioznoe izdatel'stvo Publ., 1940, 142 p. (In Russian)
- Gramenitskii D. S. *K voprosu o proiskhozhdenii i sodержanii frankskogo immuniteta. Srednie veka*, 1946, issue 2, pp. 135–153. (In Russian)
- Istoricheskii materialism*, ed. by F. V. Konstantinov. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1951, 748 p. (In Russian)
- Istoriia Evropy s drevneishikh vremen do nashikh dnei*, vol. 1. Ed. by E. S. Golubtsova. Moscow, Nauka Publ., 1988, 704 p. (In Russian)
- Istoriia Evropy s drevneishikh vremen do nashikh dnei*, vol. 2. Eds E. V. Gutnova, Z. V. Udaltsova. Moscow, Nauka Publ., 1992, 808 p. (In Russian)
- Istoriia srednikh vekov*, vol. 1. Ed by E. A. Kosminsky, S. D. Skazkin. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1952, 748 p. (In Russian)
- Istoriia Vsesoiuznoi kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Kratkii kurs*. Moscow, Pravda Publ., 1938, 352 p. (In Russian)
- Kazarov S. S. *A. D. Dmitrev i razvitie antikovedeniia na Donu*. Rostov-on-Don; Taganrog, South Federal University Press, 2018, 102 p. (In Russian)
- Kazhdan A. P. *O nekotorykh spornykh voprosakh istorii stanovleniia feodal'nykh otnoshenii v Rimskoi imperii. Vestnik drevnei istorii*, 1953, no. 3, pp. 77–106. (In Russian)
- Korsunskii A. R. *O polozhenii rabov, vol'nootpushchennikov i kolonov v zapadnykh provintsiiakh Rimskoi imperii v IV–V vekakh. Vestnik drevnei istorii*, 1954, no. 2, pp. 47–69. (In Russian)
- Korsunskii A. R. *Problema revoliutsionnogo perekhoda ot rabovladel'cheskogo stroia k feodal'nomu v Zapadnoi Evrope. Voprosy istorii*, 1964, no. 5, pp. 95–111. (In Russian)
- Korsunskii A. R. *Raby i vol'nootpushchenniki v vestgot'skom gosudarstve VI–VII vv. Srednie veka*, 1953, issue 4, pp. 11–30. (In Russian)
- Korsunskii A. R., Giunter R. *Upadok i gibel' Zapadnoi Rimskoi imperii i vzniknovenie germanskikh korolevstv (do serediny VI v.)*. Moscow, Lomonosov Moscow University Press, 1984, 254 p. (In Russian)
- Kovalev S. I. *Istoriia Rima*. Leningrad, Leningrad University Press, 1948, 808 p. (In Russian)
- Kovalev S. I. *Problema sotsial'noi revoliutsii v antichnom obshchestve. Izvestiia GAIMK*, issue 76, 1934, pp. 27–61. (In Russian)
- Krapivenskii S. E. *K analizu kategorii "sotsial'naia revoliutsiia"*. Volgograd, Nizhne-Volzhs кое knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1971, 184 p. (In Russian)

---

⁴⁶ На мой взгляд, именно об этом свидетельствуют поздние обобщающие труды в советской науке. Антиковеды говорили о сложном переплетении нового и старого, медиевисты — о разных путях генезиса феодализма. Попытки Корсунского реактуализировать проблему, по сути, привели к тому же самому результату, что говорит об объективности данного процесса. См.: История Европы с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1988. С. 651–653; Т. 2. М., 1992. С. 16 и т. д.; Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.

- Krapivenskii S. E. Osobaia formatsiia ili perekhodnoe sostoianie obshchestva. *Narody Azii i Afriki*, 1966, no. 2, pp. 87–91. (In Russian)
- Krapivenskii S. E. Perekhod k feodalizmu kak sotsial'naia revoliutsiia. *Metodologicheskie i istoriograficheskie problemy istoricheskoi nauki*, issue 5. Tomsk, 1967, pp. 52–75. (In Russian)
- Krikh S. B. Fenomen periferiinosti v sovetskoj istoriografii. *Voprosy istorii*, 2017, no. 10, pp. 164–169. (In Russian)
- Krikh S. B. Istoriia odnoi tsiaty. Otkuda est' poshla "revoliutsiia rabov". *Rodina*, 2014, no. 6, pp. 16–20. (In Russian)
- Nedel'skii V. I. *Revoliutsiia rabov i proiskhozhdenie khristianstva*. Moscow; Leningrad, Akademiia nauk SSSR Press, 1936, 74 p. (In Russian)
- Pigulevskaia N. K voprosu o razlozhenii rabovladel'cheskoi formatsii na Blizhnem Vostoke. *Voprosy istorii*, 1950, no. 4, pp. 44–54. (In Russian)
- Poliakovskaia M. A. Uchenyi i vremia: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia M. Ia. Siuziumova. *Vizantiiskii vremennik*, 1993, vol. 54, pp. 170–182. (In Russian)
- Rabinovich E. G. "Revoliutsiia rabov" — kratkaia istoriia mifa. *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya*, vol. 22 (2), Saint-Petersburg, 2018, pp. 1098–1131. (In Russian)
- Sadretdinov G. K. *Istoriograficheskie etiuudy*. Omsk, University Press, 2003, 220 p.
- Semenov Iu. I. *Politarnyi ("aziatskii") sposob proizvodstva. Sushchnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii. Filosofsko-istoricheskie ocherki*. Moscow, Librokom Publ., 2011, 376 p. (In Russian)
- Sharova A. V. "Revoliutsiia rabov" v uchebnykh izdaniiax E. A. Kosminskogo 1930–1950-kh gg. *Scripta antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury. Al'manakh*, 2017, vol. VI, pp. 421–450. (In Russian)
- Shipitsin A. I. Vklad S. E. Krapivenskogo v razvitie volgogradskoi filosofii. *Grani poznaniia*, 2019, no. 4 (63), pp. 32–37. (In Russian)
- Shtaerman E. M. *Krizis rabovladel'cheskogo stroia v zapadnykh provintsiiakh Rimskoi imperii*. Moscow, Akademiia nauk SSSR Press, 1957, 512 p. (In Russian)
- Shtaerman E. M. Problema padeniia rabovladel'cheskogo stroia. *Vestnik drevnei istorii*, 1953, no. 2, pp. 51–79. (In Russian)
- Sirotenko V. T. Bor'ba narodnykh mass Rimskoi imperii protiv varvarov v IV–V vv. *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 143, *Istoricheskie nauki*, 1966, pp. 3–64. (In Russian)
- Siuziumov M. Ia. Eshche raz o iuridicheskikh istochnikakh dlia istorii kolonata. *Vestnik drevnei istorii*, 1951, no. 4, pp. 83–88. (In Russian)
- Siuziumov M. Ia. K voprosu o protsessakh feodalizatsii v Rimskoi imperii. *Vestnik drevnei istorii*, 1955, no. 1, pp. 51–67. (In Russian)
- Siuziumov M. Ia. K voprosu ob osobennostiakh genezisa i razvitiia feodalizma v Vizantii. *Vizantiiskii vremennik*, 1960, vol. 17, pp. 3–16. (In Russian)
- Siuziumov M. Ia. O roli zakonomernosti, faktorov, tendentsii i sluchainosti pri perekhode ot rabovladel'cheskogo stroia k feodal'nomu v vizantiiskom gorode. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, issue 3. Sverdlovsk, 1965, pp. 5–16. (In Russian)
- Siuziumov M. Ia. Rol' gorodov-emporiev v istorii Vizantii. *Vizantiiskii vremennik*, 1956, vol. VIII, pp. 26–41. (In Russian)
- Tucker R. C. *The Marxian Revolutionary Idea*. London, W. W. Norton & Company, 1970, 260 p.
- Vainshtein O. L. *Istoriia sovetskoj medievistiki. 1917–1966*. Leningrad, Nauka Publ., 1968, 424 p. (In Russian)
- van Ree E. Marxism as Permanent Revolution. *History of Political Thought*, 2013, vol. 34, no. 3, pp. 540–563.
- Venger A. *Obrazi medievista ta medievistiki: Vasil' Sirotenko*. Vinnytsia, Nilan-LTD Publ., 2021, 244 p. (In Russian and Ukrainian)

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2024 г.

Рекомендована к печати 12 октября 2024 г.

Received: February 1, 2024

Accepted: October 12, 2024